

вается введен не только мир объекта повествования, но и мир повествователя, между которыми установлено отношение сочувствия. Это, по сути дела, модель всей повести Карамзина. Эпитет «прекрасная» при женском имени в заглавии произведения не означал в XVIII в. отношения к героине. Это был постоянный эпитет, образывывавший неразделимое фразеологическое сочетание. Однако такого рода заглавия встречались лишь в определенной группе повествовательной прозы.² Называя героиню повести Карамзина «прекрасная Лиза», «мастеровой» тем самым осмыслял ее в ряду хорошо ему знакомых литературных персонажей, пользуясь сложившимся литературным штампом как меркой, под которую подгонялась повесть Карамзина.

Таким образом, повесть Карамзина осмыслялась как книжное произведение («Да что же, брат, написано ли што ли это?»), в основе которого лежит «быль», подлинное событие или местное устное предание, пересказанное в соответствии с нормами массовой литературной традиции XVIII в. — повествования о страданиях и гибели прекрасной героини. «Мастеровой», видимо, склонен был улавливать в повести черты авантюрного жанра. По крайней мере именно так можно объяснить народную этимологию названия сборника «Мои безделки»: «...продается книжка, называется как-то, бездельничества ли, што ли».³ Определив то, как выглядел жанр «Бедной Лизы» в глазах массового читателя, мы можем и назвать его: перечисленным выше признакам удовлетворяла так называемая «полусправедливая повесть» — любопытный жанр русской прозы XVIII в., на необходимость изучения которого первым обратил внимание П. Н. Берков.

Однако «Бедная Лиза» не только изменялась в сознании массового читателя под влиянием свойственных ему норм художественного мышления, но и активно изменяла эти нормы. Это особенно заметно в оценке «мастеровым» пейзажа Карамзина.

---

² Ср.: Поизмятая роза, или Забавное похождение прекрасной Ангелики с двумя удалцами. СПб., 1790 (в оригинале эпитета «прекрасная» нет); Прекрасная полонянка. Истинная повесть о кораблекрушении и плене девицы Аделины, графини де Сент Фаржель на шестнадцатом году ее возраста в краях Алжирского государства в 1782 году. М., 1787; Прекрасная россиянка, ч. I—II. СПб., 1784 (2-е изд. — М., 1790; 3-е — М., 1796); Зайда, прекрасная россиянка, или низвержение с трона Махомета IV. Исторический отрывок г. Коцебу. Владимир, 1800; Ср. неопубликованный роман Я. А. Галинковского «Глафира, или Прекрасная валдайка» (см.: «XVIII век», IV, М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 231); ср. также рукописные переводы XVIII в.: «История благоприятная о благородной и прекрасной Мелюзине» и «История о Алфонсе Рамире, короле гишпанском, и о прекрасной Ангелике, принцессе лонгобардской, имянуемая Неистовый Ролянд».

³ Интересно, что переводчик Лесажа А. Ключарев, издавший в 1804 г. книгу «Гузман д'Алфараши, истинная гишпанская повесть» (чч. 1—4, М., 1804), в 1813 г., ориентируясь на массового читателя, заменил заглавие на «Шалости забавного Гусмана» (чч. 1—4, М., 1813). Слова «шалости», «шалъ» имели в XVIII веке значительно более вульгарный оттенок.